

ACADEMIA DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL STUDIUL ARTELOR

ARTA

SERIA ARTE VIZUALE

ARTE PLASTICE

ARHITECTURĂ

Serie nouă.
Vol. XXIV, nr. 1

CHIȘINĂU ♦ 2015

COLEGIUL DE REDACȚIE:

Mariana ȘLAPAC, membru corespondent al AȘM, dr. hab., conferențiar cercetător – *redactor-șef*
Constantin SPÎNU, dr., conferențiar universitar – *secretar responsabil*
Constantin Ion CIOBANU, dr. hab. Institutul de Istoria și Teoria Artei (București, România)
Miroslav Piotr KRUK, dr. hab., profesor universitar (Cracovia, Polonia)
Constantin PRUT, dr., profesor universitar (București, România)
Tudor STAVILĂ, dr. hab., profesor cercetător
Gheorghe BOBÂNĂ, dr. hab., profesor universitar
Tamara NESTEROV, dr., conferențiar cercetător
Ioan OPRIS, dr., profesor (București, România)
Liliana CONDRAȚICOVA, dr., conferențiar cercetător
Irina ARSKAIA, dr., cercetător științific principal, Muzeul Rus, Sankt Petersburg, Federația Rusă
Maia MOREL, dr., conferențiar, Institutul din Montreal, Canada
Emmanuel MOUTAFOV, dr., conferențiar, Director al Institutului Studiul Artelor al Academiei Bulgare, Sofia

RECENZENȚI:

Svetlana ILVIȚKAIA, dr. hab., profesor universitar (Moscova, Rusia)
Ion CHIRTOAGĂ, dr. hab., conferențiar cercetător

Lector: Vitalie ȚURCANU

Procesare computerizată, prelucrare imagini și tehnoredactare: Liliana CONDRAȚICOVA, dr.
Traducerea și redactarea rezumatelor în limba engleză: Ana GOREA, dr.

Toate articolele din acest volum au fost recenzate și recomandate pentru publicare de Consiliul științific al Institutului Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei, proces-verbal nr. 07 din 20 octombrie 2015

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

Arta / Academia de Științe a Moldovei, Institutul Patrimoniului Cultural, Centrul Studiul Artelor; col. red.: Mariana Șlapac (red. șef), ... – Chișinău: 2015. – ISSN 2345 – 1181: Arte Vizuale. Serie nouă. Vol. XXIV, nr. 1, 2015. 180 p. Bibliografie și note la sfârșitul articolului.
Tiraj 200 ex.

SUMAR

♦ ARTA MEDIEVALĂ

Constantin I. CIOBANU (București). <i>Problema textului și a imaginii în pictura medievală ortodoxă: o abordare structural-semiotică</i>	5
Ioana-Iulia OLARU (Iași). <i>Creativitate în preistorie: ceramica de tip Cucuteni C pe teritoriul României</i>	18
Miruna HAȘEGAN (Iași). <i>Țesături artistice în spațiul românesc în secolele XV–XVIII</i>	23
Ольга ПЛАМЕНИЦКАЯ (Kiev). <i>Крепость Каменец in statu nascendi</i>	26
Mariana ȘLAPAC . <i>François Paul Sainte de Wollant, constructor de fortificații</i>	36
Liliana CONDRATICOVA . <i>Evoluția breslelor, atelierelor și a statutului bijutierilor (secolul al XVII-lea – începutul secolului al XIX-lea)</i>	46

♦ ARTA MODERNĂ

Alla CEASTINA . <i>Some legal aspects in the architecture of Bessarabia (2nd half of 19-th – early 20th centuries)</i>	55
Manole BRIHUNEȚ . <i>Biserica cu hramul Tuturor Sfinților din satul Buciumeni: aspecte istorice, arhitecturale și artistice</i>	60
Юрий ПИСЬМАК (Odesa). <i>Английские влияния в творчестве архитектора Георгия Торичелли</i>	68
Aurelia TRIFAN . <i>Arhitectura cramelor din secolul al XIX-lea – începutul secolului al XX-lea păstrate pe teritoriul actual al Republicii Moldova</i>	74
Tudor STAVILĂ . <i>Boris Anisfeld – pictorul basarabeian din Chicago</i>	80
Ольга УЛЕМНОВА (Kazan). <i>Художественные связи Бессарабии и Казани</i>	89
Teodor HAȘEGAN (Iași). <i>Ipostaze ale portretisticii în „era volumului esențial”</i>	97

♦ ARTA CONTEMPORANĂ

Ludmila TOMA . <i>Acuarela în arta plastică moldovenească (anii 1940 – începutul anilor 2000)</i>	102
Constantin SPÎNU . <i>Arta decorativă din RSS Moldovenească. Anii 1945–1950</i>	108
Natalia PROCOP . <i>Apariția artei vestimentare în Moldova</i>	117
Alexandra OSOBA . <i>Particularități estetice, tehnologice și constructive ale primelor cărți pentru copii îngrijite de Editura de Stat a Moldovei</i>	121
Viorica CAZAC . <i>Elemente caligrafice în creația lui Ilia Bogdesco</i>	130
Lucia ADASCALIȚA . <i>Tema „Vecinii” în grafica satirică a plasticianului Alexei Grabco</i>	134
Victoria ROCACIUC . <i>Câteva considerații preliminare (cu caracter bibliografic) referitoare la abordarea noțiunii de „simbol” în teoria artei moderne și contemporane: cazul graficii de carte</i>	138
Iraida CIOBANU . <i>Natura statică cu pești – o amprentă a timpurilor</i>	146
Ana MARIAN . <i>Particularitățile portretului în creația Clăudiei Cobizev</i>	150
Vitalie MALCOCI . <i>Structura scenografică – concept semantic-artistic al spectacolului</i>	157
Serghei SEVERIN . <i>Implantul de factură rurală din RSSM și reconfigurarea spațiului construit</i>	161

♦ PREZENTĂRI DE CARTE

Sidonia TEODORESCU (București). <i>Mari arhitecți bucureșteni: Ion D. Berindei</i> . București: Editura Vremea, 2014, 271 p. (<i>Sidonia Teodorescu</i>).....	166
---	-----

♦ CRONICA VIEȚII ARTISTICE

Ștefan POPA . <i>Primele manifestări ale designului interior în Moldova</i>	168
Ana SIMAC . <i>Arta textilă într-un dialog între generații: de la tradiție la modernitate</i>	170
Eleonora BRIGALDA . <i>Expoziția „Salonul Profesorilor de Arte Vizuale”, 2015</i>	173
Constantin SPÎNU . <i>Contexte cromatice, decorative și asociative în creația plasticianului Anatol Danilișin</i>	174

♦ OMAGIERI

<i>Mariana Șlapac, membru corespondent al AȘM, doctor habilitat – la vârsta împlinirii</i> (Constantin SPÎNU)	176
---	-----

Ольга ПЛАМЕНИЦКАЯ

Крепость Каменец *in statu nascendi*

Rezumat

Cetatea Kamyanets-Podilsky *in statu nascendi*

Aproape 200 de ani savanții sunt interesați de problema originii orașului Kamyanets-Podilsky. În lucrare este argumentată concepția fondării orașului în perioada post-antică, cercetat ca fază de apariție în formă de cetate. Un complex anterior necunoscut, descoperit în limita Castelului Vechi, este atribuit ca o fortificație post-antică, care la începutul secolului al III-lea î.Hr. a apărat accesul în *castrum romanum* situat pe insula Orașului Vechi.

Cercetările podului care leagă castelul cu orașul Podului Castelului permit a-l considera un viaduct post-antic, reconstruit de constructorii armeni în perioada ulterioară celei tătaro-mongole.

Rezultatele cercetărilor istoriografice, arhitectural-arheologice și chimico-petrografice permit revizuirea datărilor orașului și castelului, coborând cronologia primei etape până la epoca războaielor lui Traian.

Astfel, în mod indirect, sunt confirmate știrile din izvoarele istorice despre Kamyanets-Podilsky ca despre un oraș întemeiat de daci în primele secole ale erei noastre.

Cuvinte-cheie: Kamyanets-Podilsky, războaiele lui Traian, oraș-cetate, castrum romanum, Castelul Vechi, Podul Castelului.

Summary

The Kamyanets fortress *in statu nascendi*

The problem of the origin of Kamyanets-Podilsky city has been an object of interest for scientists for about 200 years. The work presents argumentation of the concept that the city was founded in Late Antique period, which is being considered as the stage of its origination as a fortress. Discovered within the boundaries of the Old Castle, a previously unknown fortification complex, it is attributed as a Late Antique fortress, which protected the entry to *castrum romanum* located on the Old City Island at the beginning of the III century B.C.

The research of the Castle Bridge, connecting the castle with the city, allows us to consider a Late Antique viaduct reconstructed in post-Tatar-Mongolian period by Armenian builders.

The results of historiographical, architectural, archaeological, chemical and petrographic researches enable to reconsider the foundation dates of city and of the castle, bringing the chronology of the first stage of their formation back to the era of Trajan wars.

Thus, the article indirectly confirms the data contained in the historical sources about Kamyanets-Podilsky as about a city founded by the Dacians in the 1st century AD.

Key words: Kamyanets-Podilsky, Trajan wars, city-fortress, castrum romanum, The Old Castle, The Castle Bridge.

Регион Подолья – области украинского левобережья Среднего Днестра – играл важную геополитическую роль в истории Центральной и Восточной Европы. Его изучение имеет концептуальное значение для истории Украины, на территории которой существовала Птолемеева «Европейская Сарматия», Геродотова «Скифия», легендарная земля «Ойум». С регионом Подолья, являвшегося частью ареала липицкой и черняховской культур, источники связывают пять дакийских городов Европейской Сарма-

тии, остатки пяти римских крепостей на Днестре, отрезки Траяновых валов, интригующих исследователей вот уже два столетия. Здесь найдены сотни римских монет и больших монетных кладов, разнообразные предметы римского военного быта. Здесь, в эпоху Великого переселения народов, проходили готы и гунны, а позднее возникли сотни «градов» славянских племен тиверцев и уличей, десятки скальных языческо-христианских монастырей, сотни городищ Киевского и Галицко-Волынского госу-

дарства, ставших основой средневековых замков. Такая концентрация памятников говорит о динамичной и интенсивной архитектурно-градостроительной деятельности в регионе.

Историческая столица Подолья Каменец (именно так он именовался до XVII века) относится к числу городов, на ранней стадии своего развития ставших крепостями и являющихся предметом междисциплинарного интереса в области истории, археологии, архитектуры, кастелологии. По письменным источникам город вышел на политическую арену довольно только во второй половине XIV в. – как столица Подолья и резиденция русско-литовских князей Корьятовичей. Вместе с тем, в ранних источниках он выступает как полностью сформированный городской центр с фиксированной территорией, предместьями, атрибутами военного и гражданского управления. В связи с этим возникает вопрос – сколько времени прошло с момента образования поселения до превращения его в город-крепость. В XIX было сформулировано три версии происхождения Каменца, хронология которых расходилась в диапазоне от XIV века до начала нашей эры¹. Спор о времени возникновения Каменца до сих пор продолжается.

Уникальная топографическая ситуация не оставляет сомнений, что в совершенстве укрепленный природой остров площадью около 50 га, окруженный петлей скалистого каньона р. Смотрич с доступом через узкий перешеек, должен был с древнейших времен привлечь внимание как место для поселения. Местоположение замка на мысу у перешейка, на котором расположен Замковый Мост, логически предопределяется задачей защиты въезда в город. Стойкий интерес исследователей к дате основания города связан, таким образом, с проблемой датировки трех компонентов градостроительной системы города-крепости – поселения на острове, замка и Замкового Моста. Поскольку же в структуре города замок играл роль форпоста, а не цитадели, совершенно очевидно, что он был сооружен с целью защиты въезда в город через мост на скальном перешейке. Мост, в свою очередь, появился из потребности коммуникации через неудобный перешеек с уже существующим городом. Таким образом, функциональная связь между компонентами урбанистической структуры говорит о хронологической последовательности их возникновения: поселение

на острове, стационарная коммуникация на перешейке, форпост на плато. Поиск ответа на вопрос о времени основания Каменца-Подольского в последнее время сфокусировался на проблеме датировки двух Старого Замка и Замкового Моста.

В изучении Старого Замка, ведущемся с конца 1940-х гг., можно выделить три отличных по методологии и кругу исследовательских задач этапа. На начальном этапе (1945–1961 гг.), состоявшем в выполнении обобщенной обмерной фиксации и первичного обследования, исследователи в строительной биографии замка насчитали четыре периода в хронологическом диапазоне XIV–XIX вв.

В результате архитектурно-археологических исследований второго этапа (1963–1980 гг.) архитектор-реставратор Е. Пламеницкая выявила в пределах главного двора Старого Замка остатки ранее неизвестных каменных стен и башен, атрибутированных как первоначальное ядро укрепления, получившее условное название «протозамок» и датированное по верхней хронологической границе археологического материала XI – нач. XIII вв.² Домонгольский период в истории замка был признан первой фазой формирования оборонительной системы города-крепости. Вместе с тем, несмотря на надежность комплекса артефактов XI–XIII вв., эта датировка наталкивалась на противоречия, касавшиеся последовательности строительных и культурных напластований. В числе укреплений «протозамка» Е. Пламеницкой были обнаружены остатки каменных оборонительных стен и башен, уходящих в стратиграфические слои, лежавшие значительно ниже горизонта XI–XIII вв. Сомнения относительно первоначальности домонгольского периода подкреплялись выводами химико-петрографических исследований³, согласно которым кладочные растворы «протозамка» не имели аналогов ни среди ранее изученных сооружений Каменца-Подольского, ни среди сооружений периода домонгольской Руси. Эти растворы были отнесены к неизвестной строительной школе, отличавшейся высокой культурой изготовления вяжущих веществ⁴.

Выявленные объекты «протозамка» представляли научную интригу, не находя убедительной историко-архитектурной интерпретации и не вписываясь в систему знаний об архитектуре не только Каменца-Подольского, но и всего западно-украинского региона, где

наблюдался некий хронологический хиатус с первых веков нашей эры до раннеславянского периода. Таким образом, основной проблемой стало определение эпохи «Х», в которой выявленные укрепления нашли бы непротиворечивую архитектурно-градостроительную интерпретацию и убедительные аналогии в оборонительном зодчестве эпохи, а появление города-крепости было бы исторически оправдано.

Возможность вписать новые факты в контекст архитектурно-градостроительного развития Подолья появилась на третьем этапе изучения фортификационных сооружений Каменца (1980–2010 гг.), когда в границах замкового мыса, Замкового Моста и предмостных укреплений, по обеим сторонам скального перешейка, были выявлены остатки значительно удаленных от «протоzamка» каменных сооружений, отнесенных по стратиграфическим, архитектурным и технологическим признакам к группе ранее выявленных укреплений. В итоге были существенно расширены пространственные и временные границы объекта исследования, в качестве которого мы рассматриваем единую оборонительную систему Старого города, сочетающую как природно-топографические факторы, так и фортификационные сооружения замкового мыса, перешейка и острова. Предметом исследования является стадияльное развитие системы укреплений города-крепости.

Большинство как уже известных, так и новых фактов, не получавших убедительной исторической и архитектурной интерпретации в контексте традиционных научных концепций, удалось объяснить в рамках новой концепции формирования города-крепости, предложенной автором этих строк и Е. Пламеницкой. Ее принципиальным отличием стало утверждение в истории Каменца-Подольского ранее неизвестного начального строительного периода, хронологически отдаленного от домонгольского на тысячу лет и восходящего ко II–III вв. н. э.⁵ Предъявляя доказательную базу новой концепции, считаем необходимым рассмотреть результаты исследований основных зон локализации древнейших памятников: в пределах замкового мыса и Замкового моста.

Верхнюю террасу замкового мыса занимает вытянутый в плане главный двор Старого Замка, в западной, напольной западной части которого в 1960-е гг. был выявлен «протозамок», маленькие прямоугольные башни кото-

рого в силу архаичной типологии получили название «вежи»⁶. Две из них входят в объемы позднесредневековых башен: квадратная вежа Денная – как часть башни Денной, а нетипичная трапецевидная в плане вежа Малая Западная – как часть фундамента башни Малой Западной. В границах западной части замкового двора при проведении реставрационных работ были археологически открыты ранее неизвестные фундаменты еще двух веж – овальной Вежи над Рвом и квадратной Верхней Малой Южной, а также фрагменты соединявших их оборонительных стен. Пятая вежа, получившая рабочее название Малая Южная № 1, была открыта на расстоянии около 80 м к югу от древнего ядра замка, на территории южной батареи Старого Замка. Таким образом, в основе средневекового замка была выявлена ранее неизвестная система ранних укреплений. В вопросе их датировки решающее значение приобрели типология, состав кладочных растворов, а также архитектурно-археологическая стратиграфия – взаимное расположение архитектурных остатков и надежно датированных культурных слоев. Количество датированных артефактов, учитывая небольшую площадь архитектурно-археологических шурфов, остается пока незначительным.

Вежа Денная является прямоугольным в плане (3,63 x 4,64 м по внутреннему контуру) восточным помещением башни Денной, стоящей на юго-западном напольном углу Старого замка. Сложена из дикого известняка на известково-алевроитно-песчаных (карбонатных) растворах трех типов⁷, соответствующих трем строительным этапам. Открытые в шурфах №№ 3 и 4 западная стена вежи и перпендикулярный к ней западный отрезок южной стены относятся к I этапу и сложены на растворе I-A2; восточная часть южной стены и северная стена II этапа – на растворе I-A3. При этом западная стена вежи – с зубцами, щелевидной бойницей и боевым ходом на отметке –1.37, а также примыкающий к ней вперевязь западный отрезок южной стены представляют собой часть оборонительной стены I этапа, образующей в плане залом. В результате пристройки к ней на II этапе северной и южной стен с одновременной надстройкой их до высоты 6 м над уровнем боевого хода образовалась трехстенная вежа, сложенная на близких по составу кладочных растворах группы I-A. Четвертая, внутренняя восточная стена вежи, была возведена на принципиально

ином растворе группы I-Б, что говорит о хронологическом разрыве между этапами.

Установить очередность и временные границы этапов удалось путем изучения стратиграфии внутри вежи Денной. Шурф № 4 показал, что в середине XVI в. внутреннее пространство вежи было вычищено до самого дна (отметка -2,29) и засыпано в один прием почти на всю глубину. Засыпка содержала вперемешку артефакты от III–II тыс. до н.э. до середины XVI в. Однако, перед засыпкой вежа была расчищена не полностью: часть слоев при ее южной стене сохранилась нетронутой, демонстрируя напластования, уничтоженные на большей части площади вежи. Это и позволило датировать вежу. Выявленный на отметке -1,25 промежуточный пол, плотно прилежавший к ее стенам *in situ*, представлял собой верхний горизонт слоя XII–XIII вв. Он находился на 12 см выше стыка кладок I и II строительных этапов, сложенных на растворах I-A2 и I-A3. Местом стыка была площадка боевого хода I этапа (отметка -1,37), на которую легла надстройка стены II этапа. Поскольку горизонт пола XII–XIII вв. оказался выше стыка кладок I и II строительных этапов, появление оборонительной стены и вежи ранее XII–XIII вв. было очевидно. Примыкание вплотную к стенам *in situ* нижележащих слоев, образовавшихся в период от раннего железного века до XII–XIII вв., подтверждало, что они росли в период существования вежи.

Еще одно обстоятельство подтверждало вышеприведенный вывод. Внутренняя лицевая поверхность южной стены вежи, принадлежащей залому оборонительной стены I строительного этапа, при пристройке южной стены II этапа была частично стесана в уровне между нижним полом вежи (отметка - 2,29) и обрезом боевого хода (отметка - 1,37). Поверхность стесали с целью выравнивания острого угла залама стены и превращения его в прямой для формирования прямоугольного помещения вежи. В соответствии со строительной логикой стесывание произвели лишь в пределах возвышавшейся над уровнем дневной поверхности части стены. Поэтому уровнем дневной поверхности II этапа можно считать отметку пола (- 2,29), лежащего на 1,04 м ниже горизонта XII–XIII вв.

Вышеописанные обстоятельства помешали Е. Пламеницкой в 1960-х гг. однозначно датировать вежу Денную. Тем более, что она была не единственным сооружением на растворах

группы I-A, обнаруженным на верхней террасе замкового мыса. В толще западной напольной оборонительной стены Старого Замка, соединявшей башню Денную с Малой Западной, был выявлен отрезок древней оборонительной стены с двумя щелевидными бойницами, сложенный на растворе I-A2, а в фундаментной Малой Западной башни – остатки трапециевидного в плане сооружения на растворе I-A3, получившего название Малой Западной вежи. Раствор I-A3 был выявлен в двух отрезках древней оборонительной стены (толщиной 1,5–1,6 м) под поверхностью замкового двора к северу от башен Денной и Лаской, в шурфе Ш-5 и в раскопе Рп-7. В том же раскопе Рп-7 был обнаружен фундамент овального в плане сооружения диаметром 6,0–7,2 м с толщиной стен 1,5–1,6 м, сложенный на растворе I-A4. У его подножия открылся ров, огибающий территорию «протозамка»; в связи с этим сооружение получило название Вежа над Рвом. Остатки древней оборонительной стены у самого рва, как и остатки и Вежи над Рвом, перекрывал слой, насыщенный керамикой XI–XIII вв. Поэтому с высокой степенью вероятности можно утверждать, что древняя оборонительная стена и Вежа над Рвом возникли ранее XIII в.

Ареал укреплений, возведенных на растворах группы I-A, существенно расширился при исследовании нижних террас замкового мыса. На северной террасе Е. Пламеницкая выявила два отрезка древней оборонительной стены, пересекавшей мыс поперек на продолжении напольной западной стены замка, а на кромке нижней южной террасы были идентифицированы остатки еще четырех квадратных Малых Южных веж №№ 1, 2, 3 и 4⁸.

Таким образом, весь замковый мыс был охвачен по периметру древними каменными башенно-стеновыми укреплениями. Возможность их датировки появилась при исследовании Е. М. Пламеницкой в 1985 г. южной батареи, в выступающем углу которой была обнаружена сложенная на растворах группы I-A Малая Южная вежа № 1. Вежа, раскрытая до уровня первоначального пола на глубину 8,3 м, имеет ширину снаружи 5,04 м, внутри 2,16 м и толщину стен в основании 1,46 м. Ее восточная стена поворачивает на восток, переходя в древнюю оборонительную стену, сложенную на растворе I-A3 с забутовкой на растворе I-A4 (что свидетельствует о принадлежности обоих

растворов к одному строительному этапу). Пол вежи, раскрытый шурфом на глубину 5–6 м от современной дневной поверхности, представляет собой подтесанную под углом около 20° материковую скалу, покрытую толстым слоем обмазки раствором I-A5⁹. Слой копоти под обмазкой пола свидетельствует о существовании этапа, предшествовавшего обмазке. Обмазка наплывает на стены вежи, сложенные ниже площадки боевого хода на растворе I-A(X)¹⁰ и последовательно надстроенные над ней на растворах I-A2 и I-A3.

Абсолютная датировка растворов группы I-A была установлена в результате археологического исследования стратиграфии вежи Малой Южной №1, из которого стала очевидной произведенная до IX в. двукратная ее надстройка на растворах группы I-A. Решающее значение для их датировки имели выявленные в нижних стратиграфических слоях артефакты конца I – начала III вв. н. э.¹¹. Наибольшего интереса заслуживает обнаруженный *in situ* позднеантичный керамический венчик, вдавленный в еще влажную обмазку нижнего пола раствором I-A5. Керамика, аналогичная по составу теста, вошла в качестве наполнителя в раствор I-A2. Это стало основанием для датировки растворов группы I-A II–III веками нашей эры.

Надстройка Малой Южной вежи выше кладки, сложенной на растворе I-A3, была выполнена на растворах I-B1 и I-B2, соответствовавших периоду XIII в. Примечательно отсутствие в Малой Южной веже № 1 материалов XII в., а в ее кладке – растворов группы I-B, обнаруженных в веже Денной. Исходя из этого стало очевидным, что Малая Южная вежа № 1, расположенная в 80 м от «протозамка», функционировала в составе мысового укрепления на I–II строительных этапах (предположительно во II–III вв.), после чего была надолго заброшена и реконструирована уже в XIII в.

Растворы группы I-A стали основным датировочным признаком для оборонительных стен, трапезиевидной, овальной и семи квадратных трехстенных веж¹², образующих на замковом мысу укрепленный периметр протяженностью около 550 м. Вторым датировочным признаком стала типология веж с толщиной стен 1,5–1,6 м, размерами сторон 5–7 м, высотой около 6 м и формой плана, приближенной к прямоугольнику, характерная для башен римских крепостей. Уникальная для Каменца трапезиевидная форма Ма-

лой Западной вежи также характерна для угловых башен прямоугольных римских крепостей.

Не менее интересна типология укрепленного периметра замкового мыса, отсеченного от napольной стороны оборонительной стеной I этапа на расстоянии 200 м от перешейка. Расположенные по кромке скал каньона отрезки стен между вежами, увенчанные зубчатыми парапетами, имели длину от 30 до 60 м. На верхней террасе находилась четырехбашенная цитадель площадью около 700 м². Двухъярусность оборонительного периметра, при общей типологической схожести стен и башен с римскими аналогами, наблюдается в возникших на возвышенностях дакийских крепостях с нерегулярной формой плана укрепления. Ограничившись пока этим наблюдением, рассмотрим оборонительный комплекс на мысу в структуре города.

Бесспорно, что такое значительное по размерам укрепление должно было защищать подъезд к какому-то стратегически важному объекту на острове. Он осуществлялся через мост на перешейке. Известно, что в период осады Каменца турками (1672 г.) мост, представлявший собой арочную конструкцию на пилонах, был поврежден и реконструирован в 1685–1687 гг.: над стрельчатыми арками возведены пологие арки, подарочные пространства забутованы, и вся конструкция обложена по бокам мощными эскарповыми стенами. Таким образом, древний мост оказался замурован внутри каменного «саркофага».

С целью определения характера древней конструкции моста было проведено его архитектурно-технологическое исследование¹³, позволившее выяснить, что каменные пилоны моста сечения 2,0 x 4,0 м и высотой в среднем около 4 м сложены из известняка на растворах группы I-A, идентичных растворам древних укреплений замкового мыса. Стрельчатые же арки, соединяющие пилоны, сложены на растворах I-B2¹⁴, идентичных растворам XIII в. в вежах Денной и Малой Южной № 1. Близкий по составу раствор I-B3 обнаружен в апсиде армянской Благовещенской церкви (на территории острова Старого города), строительство которой относят к концу XIII – началу XIV вв. Главным выводом исследования Замкового Моста стало выявление двух строительных этапов, хронологический разрыв между которыми составил почти тысячелетие. Это обстоятельство требует объяснения с учетом того, что кладочный

раствор стрельчатых арок датируется весьма точно и соотносится с периодом переселения в Каменец армян, основавших здесь большую общину и проводивших в городе масштабное строительство. Возникает закономерный вопрос: если стрельчатые арки были возведены в XIII в. армянскими мастерами, кем могли быть сооружены каменные пилоны моста и оборонительный комплекс на замковом мысу.

Рассмотренные факты вплотную подводят к проблеме определения эпохи «X», в которой: а) строительство оборонительной системы на мысу и коммуникации с островом было исторически оправдано; б) выявленные каменные укрепления имеют аналоги в оборонительном и инженерном зодчестве; в) возведение каменного моста согласовывается со строительным опытом эпохи. Такая постановка проблемы актуализирует третью, так называемую «дако-римскую» версию основания города.

В историографии Каменца-Подольского имеется немало упоминаний о его связи с упомянутым К. Птолемеем городом древней Дакии Клепидавой, а также с одной из описываемых К. Багрянородным заброшенных римских крепостей на левом берегу Днестра¹⁵. Историческим контекстом основания Клепидавы считали Траяновы войны (101–107 гг.), в итоге которых Дакия была превращена в провинцию Imperium Romanum, а прилегающие к ней территории Barbaricum Solum, в том числе населенные даками области левобережья Днестра¹⁶, попали под контроль римлян¹⁷, разместивших здесь два легиона¹⁸. Эта версия в XX в. была отброшена как необоснованная, а значительный фактографический материал не получил научной интерпретации. Выявление древних оборонительных сооружений в Каменце-Подольском, а также вежи в Комарове, на южном берегу Днестра¹⁹, значительный прогресс в археологических и нумизматических исследованиях, постепенно меняющий взгляд науки на историю региона в I тысячелетии нашей эры²⁰, вынуждают вновь обратиться к «римскому следу». С учетом накопленного фонда фактов представляется обоснованной гипотеза о римском военном присутствии на левобережье Среднего Днестра в первые века нашей эры²¹.

В этой связи важно отметить типологическое сходство укреплений на замковом мысу с дакийскими и римскими нерегулярными крепостями, а каменецких веж – с дакийскими и римскими квадратными, трапециевидными и круглыми башнями²².

На тысячелетнем временном отрезке, верхней границей которого является домонгольский период, не было иных мастеров-строителей, кроме римлян, которые могли возвести каменные пилоны моста и мощное укрепление на замковом мысу. И в таком случае домонгольский период является не начальной фазой формирования города, а этапом его развития на более ранней основе²³. В рамках этой версии топографическая структура «замковый мыс – перешеек – остров» обретает градостроительный смысл: «форпост – мост – военный лагерь».

Подведем итоги. Можно предполагать, что в первые века нашей эры на острове Старого города существовало венное поселение (castrum romanum), связанное каменным виадуком с позднеантичной крепостью на замковом мысу, возведенной романизированными даками или римлянами. После распада Imperium Romanum поселение и крепость были покинуты. В конце I тысячелетия укрепление на замковом мысу возродилось, и часть полуразрушенных древних сооружений была включена в его состав. Древний каменный виадук на перешейке был перестроен в XIII веке.

Таким образом, домонгольский период в общей периодизации истории Каменца-Подольского обретает новое содержание – как стадия модернизации позднеантичной крепости. Вследствие этого возникает ряд важных проблем, связанных с дальнейшими исследованиями укрепленного поселения на острове, определением периода его функционирования, выяснением времени возрождения, а также с уточнением архитектурно-пространственной концепции. Не менее важно, с учетом выявленных каменных домонгольских укреплений других западноукраинских замков, определить степень уникальности древней оборонительной системы Каменца-Подольского в контексте оборонительного строительства Центральной и Восточной Европы.

Характеристика строительных растворов II–III вв. *

Группа		Под-группа	Визуальная характеристика	Прочностная характеристика
I-A	Тип – известково-алевроито-песчаный (песок карбонатный). Структура псаммитовая с участием алевроитовой. Вяжущее – известь. Заполнитель – мелкозернистый карбонатный песок с добавлением кварца. В : 3 = 1,0 : 0,3 – 1 : 1 Количество заполнителя составляет 30–50 % площади шлифа; на карбонатную составляющую приходится 20–40 %, остальное – кварцевая и глинистая составляющие. Количество цемьянки в заполнителе – 5–10%. Цвет и прочность растворов подгрупп зависят от количества заполнителя. Включения: цемьянка, древесный уголь, желтый ракушечник, пирит, рудные включения. Примесь – растительный клей	I-A1	Серый холодноватого тона, со значительно-го размера (до 10 мм) фракциями бело-охристой извести и белого известняка (коралла), растительного клея	Прочный
		I-A2	Охристо-серый однородный, с фракциями (до 0,2 мм) бело-охристой извести, оранжевого ракушечника, розового и красного известняка (коралла), толченой керамики, растительного клея	Прочный, отличающийся высокой культурой и тщательностью изготовления
		I-A3	Светло-оранжевый пестрый, с яркими фракциями оранжевого ракушечника, розового и красного известняка (коралла)	Прочный, отличающийся высокой культурой и тщательностью изготовления
		I-A4	Светло-оранжево-серый, однородный, с мелкими фракциями красного известняка (коралла)	Очень легкий, достаточно прочный (возможно, вариант I-A3)
	I-A5	Окраска светлая, почти белая, с редкими кремоватыми участками неправильной формы и прожилками	Очень легкий, достаточно прочный. (Единичный образец)	
	Тип – известково-гипсово-песчаный. Структура пористая, пемзовидная. Вяжущее – известь. Заполнитель – микромелкозернистый гипс, карбонат кальция и мелкозернистый карбонатно-кварцевый материал в соотношении 1,0 : 5,0 : 0,5. Примесь – растительный клей			

Ссылки и примечания

¹ «Литовская» версия базируется на недатированных известиях Литовской летописи об основании Каменца в 1360-е гг. и на тексте грамоты князей Корьятовичей 1374 г. «Древнерусская» версия основывалась на известии Ипатьевской летописи, в которой упоминался город Каменец. Предметом дискуссии стал вопрос тождества летописного Каменца и Каменца-Подольского. «Дако-римская» версия основывается на информации древних источников (географа К.Птолемея и авторов XVII в.) о существовании на месте Каменца в первые века нашей эры, в период Траяновых войн, города даков – Клепидавы.

² Пламеницька Є. М. Про час заснування Кам'янець-Подільського замку-фортеці. Слов'яноруські старожитності. Київ, 1969, с. 124-144.

³ Периодизацию сооружений из природного камня можно установить лишь по двум параметрам: по характеру перевязей стен и по составу кладочных растворов. Ведущая роль в исследованиях строительной стратиграфии укреплений принадлежит кладочным растворам. Среди многочисленных исследованных растворов древнейших сооружений выделено три основные группы, отличающиеся по составу вяжущего и заполнителя: I – известково-карбонатные (с заполнителем в виде измельченного

известняка); II – известково-песчаные (с заполнителем в виде кварцевого песка); III – глинистые. Эти группы характеризуют принципиальные изменения строительной технологии. Внутри каждой группы определены подгруппы, характеризующие технологические особенности, связанные с временными периодами, а внутри подгрупп – типы, характерные для строительных этапов и объектов, сооруженных в хронологически близкое время. Базовым материалом для датировки строительных этапов стали растворы кладок сооружений и их фрагментов, четко датированных по эпиграфическим, архивным и археологическим исследованиям.

⁴ Стриленко Ю., Нашиванко Е. Заключение лаборатории по результатам анализа строительных растворов Каменец-Подольской крепости. Научно-технический отчет. Киев. Архив института «УкрНИИПроекстреставрация». 1971.

⁵ Plamenytska O., Plamenytska E. Daco-Roman Period in the History of Kamianets-Podilsky: Toward an Understanding of the Problem. 2nd International Conference «Problems and Methods in Historical Archaeology». Abstracts. – Toronto – Lviv, 1992, p. 26-27; Пламеницька Є., Пламеницька О. Нова концепція формування системи фортифікацій Кам'янця-Подільського в аспекті визначення віку міста. Фортифікація України. Міжнародна конференція з проблем охорони фортифікаційних споруд в Україні. Матеріали. Кам'янець-Подільський, 1993, с. 22-24; Пламеницька О. Исследования Каменца-Подольского над Днестром (к вопросу атрибуции моста на рельефе колонны Траяна в Риме. Реставрация, реконструкция, урбоекология: материалы щорічного міжнародного симпозиуму RUR'98. Одеса – Білгород-Дністровський, 1998, с. 52-55; Пламеницька О., Пламеницька Є. Місто на периферії Римської імперії. Найдавніша урбаністична структура і фортифікації Кам'янця на Поділлі. *Пам'ятки України: Історія та культура*, 1999 (4), с. 1-80; Plamenytska O. Recenti sviluppi degli studi sulle origini della cultura urbanistica e delle fortificazioni ucraine nel periodo delle guerre di Traiano. Fondazione Cassamarca. Conferenza Internazionale «Umanesimo Latino in Ucraina», Leopoli, Casa della Scienza, 8 giugno 2002. Treviso: Fondazione Cassamarca, 2004, p. 59-78; Пламеницька О. *Castrum Camenecensis*. Фортеця Кам'янець (пізньоантичний – ранньомодерний час). Кам'янець-Подільський, 2012.

⁶ Терминологическое различие между «вежей» и «башней» основывается на главном признаке – приспособлении архаичной вежи для лобового обстрела и башни – для фланкирующего.

⁷ Характеристику растворов см. в таблице.

⁸ Пламеницька О., Пламеницька Є. Місто на периферії Римської імперії..., с. 53.

⁹ Раствор I–A5 имеет известково-гипсово-песчаный состав и является единичным. Применение

гипса в обмазках полов известно в дороманской архитектуре с VI в. В Римской империи гипс использовался для оштукатуривания стен в интерьерах, превосходя по прочности каменную кладку (Значко-Яворский И. Л. *Очерки истории вяжущих веществ от древнейших времен до середины XIX века*. М.-Л., 1963, с. 58-64. Исходя из физико-технических качеств раствора его использование в конструкции наклонного пола стоящей на обрыве вежи можно расценивать как сознательный выбор строителей.

¹⁰ По техническим причинам образец этого раствора взять не удалось; исходя из локализации в сооружении бесспорно, что он принадлежит к группе I-A.

¹¹ Материал датирован старшим научным сотрудником Института археологии НАН Украины, канд. ист. наук. С. Б. Буйских.

¹² По архивным документам удалось выявить еще три вежи, входившие в систему укреплений мыса – одну на верхней, и две на северной нижней террасе (Пламеницька О. *Castrum Camenecensis...*, с. 126-130).

¹³ Исследования внутренней конструкции Замкового моста выполнялись в 1980 и 1982 гг. кафедрой дорог и мостов Киевского автодорожного института (А. Шкуратовский), в 1994 г. киевским Научно-исследовательским институтом теории и истории архитектуры и градостроительства (О. Пламеницькая) и Украинского транспортного университета (А. Шкуратовский), в 1997 г. – международной группой специалистов Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (О. А. Пламеницькая), Государственного научно-технологического центра консервации и реставрации памятников (Ю. Н. Стриленко) и Варшавского научно-исследовательского института дорог и мостов (Януш Рымша). См.: Пламеницька О., Пламеницька Є. Фортечний міст Кам'янця-Подільського. *Архітектурна спадщина України*, № 2. Киев, 1995; Plamenytska O., Plamenytska E. *Most Zamkowy w Kamieńcu Podolskim: Na marginesie badań kolumny Trajana w Rzymie*. *Kwartalnik Architektury i Urbanistyki*, t. XLIII, 1998, zesz. 3, s. 183-207; Пламеницька О. *Замковий міст у Кам'янці-Подільському, пам'ятка архітектури II–XVIII ст.* Науково-проектна документація на реставрацію. Т. II. Комплексні дослідження. Фонд «Замковий міст». Київ, 2001. Научный отчет. 351 с.; Пламеницька О. *Castrum Camenecensis...*, с. 130-143.

¹⁴ Общая характеристика растворов группы I–B. Состав – известково-карбонатный. Структура псаммитовая в сочетании с алевроитовой. Цвет темно-серый с палевым оттенком. Редкие включения белых известковых комочков и темно-серых алевроито-глинистых комочков. Растворы пылеватые, непрочные. Заполнитель – плохо отсортирован-

ный карбонат-кварцевый песок (кварц составляет 10–15%). Природная добавка глинистых минералов (10–15%). Соотношение вяжущего и заполнителя – 1 : 4–5 (1 : 5–6). Две подгруппы отличаются показателем прочности: более прочные растворы имеют незначительные включения турителавидных ракушек, менее прочные – значительные добавки ракушек и гальки.

¹⁵ Ptolemeai Claudii. *Geographia e codicibus recognovit, prolegomenis, annotatione indicibus, tabulus instruxit*. V. I. Parisiis, 1883, p. 434; Багрянородный Константин. *Об управлении империей*: Текст, перевод, комментарий. Москва, 199, с. 157, 391.

¹⁶ На территории украинского Закарпаття и в Вехнем Поднестровье археологически исследованы поселения липицкой и дакийской культуры, относящиеся к дакийскому этнокультурному массиву. Цигилик В. М. *Населення Верхнього Подністрів'я перших століть нашої ери*. Київ, 1975, с. 163; Винокур І. *Черняхівська культура: витоки і доля. Кам'янець-Подільський*, 2000, с. 274.

¹⁷ Бандрівський М., Бандровський О. Поява пам'яток східносередземноморських культур на Придністровському Поділлі. *Україна в минулому*. Вип. 2. Київ-Львів, 1992, с. 5–26; Бандровський О. Г. Свідчення про перебування римських допоміжних з'єднань у Подністрів'ї. *Нові матеріали з археології Прикарпаття і Волині. Тези конференції*. Львів, 199, с. 43–45.

¹⁸ Вердум Ульріх фон. *Щоденник подорожі, яку я здійснив у роки 1670, 1671, 1672... через королівство польське*. Жовтень. Львів, 1983, № 10, с. 102.

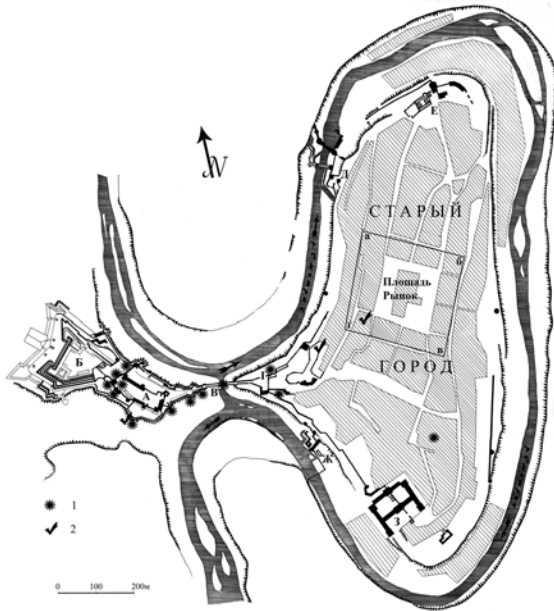
¹⁹ Бандрівський М. Про час появи техніки кам'яної кладки і мурування на західноукраїнських землях. *Вісник інституту «Укрзахідпроектреставрація»*. № 8. Львів, 1997, с. 33–40; Петраускас О. В., Милян Т. До питання про етнокультурні складові виробничої факторії пізньоримського часу в Комарові. *X Міжнародна наукова конференція «Археологія Заходу України»*. Львів, 2013.

²⁰ Бандровський О.Г. Свідчення про перебування римських допоміжних з'єднань у Подністрів'ї. *Нові матеріали з археології Прикарпаття і Волині. Тези конференції*. Львів, 1992. С. 43–45; Бандровський О.Г. «Дакийська політика» Римської імперії від Доміціана до Траяна. *Carpatica – Carpatika*. Ужгород, 2007. Вип. 36, с. 125–151; Погорілець О. Г., Саввов Р. В. *Давньоримський військовий диплом з Поділля. Нумізматики і фалеристика*. 2007. № 2, с. 1–7; Надвирняк А., Погорілець О. К проблеме начала поступления римской имперской монеты в междуречье Среднего Поднестровья и Среднего Приднепровья. *Семнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция*. М., 2013, с. 30–31; Надвирняк О., Погорілець О., Надвирняк О. О. Про деякі особливості обігу римської монети і проблематику виникнення та формування черняхівської культури в межиріччі Середнього Подністрів'я і Південного Побужжя. *Наукові записки з української історії*. Вип. 33. Переяслав-Хмельницький, 2013, с. 11–16.

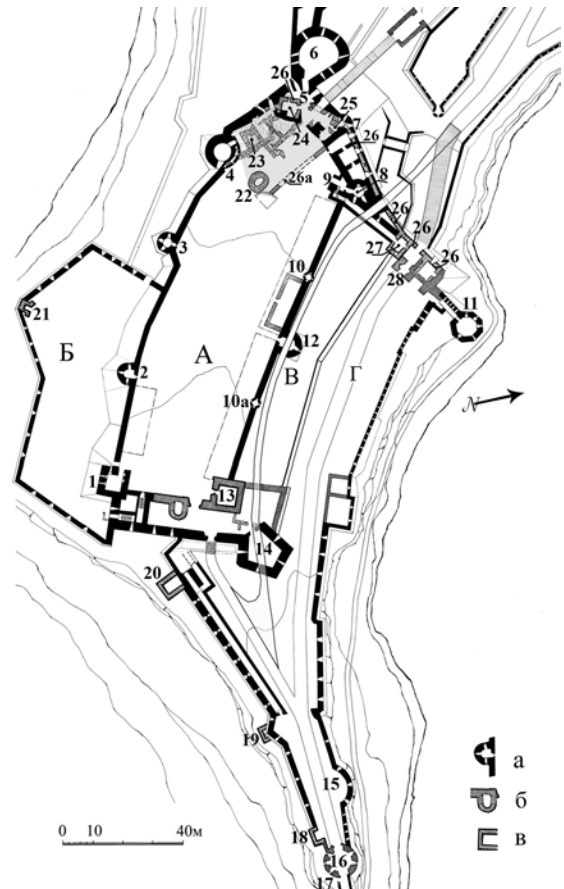
²¹ Пламеницька О., Пламеницька Є. Місто на периферії Римської імперії..., с. 57–58; Plamenytska O. *Recenti sviluppi degli studi sulle origini della cultura urbanistica e delle fortificazioni ucraine nel periodo delle guerre di Traiano*. Fondazione Cassamarca. Conferenza Internazionale „Umanesimo Latino in Ucraina”. Leopoli, Casa della Scienza, 8 giugno 2002. Treviso: Fondazione Cassamarca, 2004, p. 59–78; Пламеницька О. *Castrum Camenecensis...*, с. 14–32, 102–153.

²² Antonescu D. *Introducere în arhitectura dacilor*. București, 1984, p. 97–149; Biernacka-Lubańska M. *The Roman and Early-Byzantine fortifications of Lower Moesia and Northern Thrace*. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź, 1982, p. 70–102; 129–136, 152–161; Vlădescu C. M. *Fortificațiile Romane din Dacia Inferior*. Craiova, 1986; Буйских С. Б. *Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры)*. Киев, 1991, с. 11–47, 104.

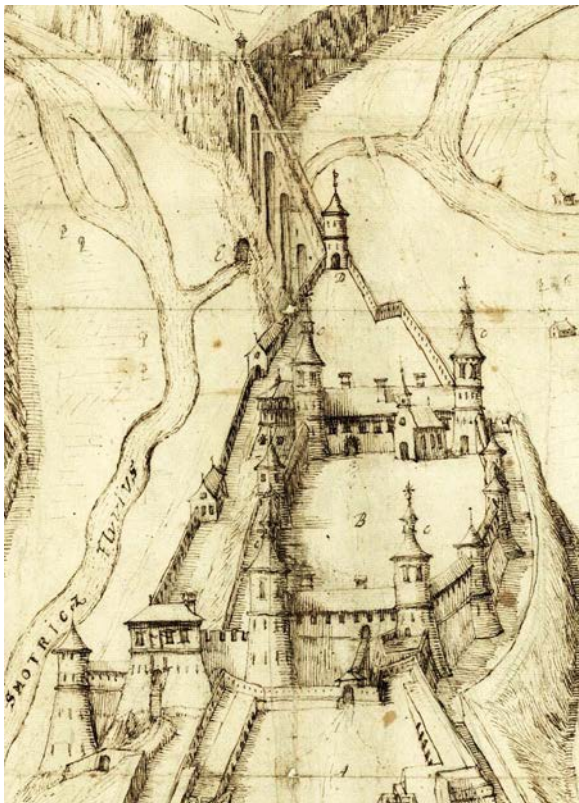
²³ Пламеницька О. А. Особенности средневековой застройки центра Каменца-Подольского. *Архитектурное наследие*. Вип. 33. М., 1985, с. 59–61.

Каме́нец-Подольский. Схема расположения оборонительных укреплений. А – Старый замок, Б – Новый замок, В – Замковый мост, Г – Городские ворота, Д – Нижние Польские ворота, Е – Верхние Польские ворота, Ж – Русские ворота, З – крепостные казармы. 1 – местоположение сооружений, построенных на растворах группы I–А; 2 – места обнаружения позднеантичной керамики; абвг – конфигурация гипотетического римского лагеря (чертеж О. Пламеницкой)

Старый замок. А – главный двор, Б – Южная батарея, В – северная батарея, Г – нижняя северная терраса; а – сохранившиеся сооружения XIII–XVIII вв.; б – фундаменты сооружений XIV–XVI вв., в – остатки сооружений II–III вв.; Башни: 1 – Папская, 2 – Колпак, 3 – Тенчинская, 4 – Лаская, 5 – Денная, 6 – Новая Западная, 7 – Малая Западная, 8 – Рожанка, 9 – Ружицкая, 10 – Комендантская № 1, 10а – Комендантская № 2, 11 – Водная, 12 – Лянцкоронская, 13 – Черная (руины), 14 – Новая Восточная, 15 – полубашня перед Замковым мостом, 16 – святой Анны (фундаменты), 17 – Замковый мост; Вежи: 18 – Малая Южная № 3, 19 – Малая Южная № 4, 20 – Малая Южная № 2, 21 – Малая Южная № 1, 22 – над Рвом (фундаменты), 23 – Малая Верхняя Южная (фундаменты), 24 – Денная, 25 – Малая Западная (фундаменты), 26 – древняя западная оборонительная стена, 26а – древняя северная оборонительная стена (фундаменты), 27 – вежа Старая Рожанка (фундаменты), 28 – Польные ворота (фундаменты). (Чертеж О. Пламеницкой)

Старый замок на рисунке 1684 г. Giacomo Cantelli. Kamieniec totius christianitatis quondam non postponendum propugnaculum. Biblioteka Narodowa, Warszawa. Zb. Kart. Sygn. ZZK 1 317